

Прогулка

Самый простой источник
радости и смысла

Эрлинг Кагге

*Ты идешь. И, не всегда сам того понимая,
Падаешь и падаешь.
И с каждым шагом ты чуть сильнее
 склоняешься вперед,
И со временем это удерживает тебя
 от падения...*

Лори Андерсон,
песня «Иди и падай»

ЧАСТЬ I

Однажды моя бабушка больше не смогла ходить. В тот день она умерла. Физически она еще какое-то время продолжала жить, но ее новые коленные суставы, когда-то заменившие старые в результате хирургической операции, совсем износились и больше не выдерживали тяжести ее тела. Силы, еще остававшиеся в мышцах, иссякли буквально за несколько дней, проведенных ею в постели. Пищеварительная система начала давать сбои. Сердцебиение замедлилось, пульс стал неровным. Легкие бабушки поглощали все меньше и меньше кислорода, и в конце концов бедняжка начала задыхаться.

Тогда у меня уже были две дочери. И в то время, когда их прабабушка постепенно возвращалась в позу эмбриона, моя младшая, Сольвейг, почувствовала, что пора учиться ходить. Подняв ручки над головой и крепко сжав мои пальцы, она ухитрилась протопать через всю нашу гостиную. Но стоило малышке разжать пальчики и попытаться

сделать несколько шагов самостоятельно, как она тут же ощутила разницу между тем, что значит стоять и сидеть; что такое высоко, а что — низко. А однажды, споткнувшись и сильно ударившись лбом о край стола, дочка узнала, что одни предметы твердые, а другие мягкие. Казалось, будто какая-то часть ее личности проявлялась сильнее, когда она шла. Наблюдая за ребенком, который учится ходить, начинаешь думать, что радость познания и мастерство — самые могущественные вещи в мире. Тем не менее обучение ходьбе может оказаться самым опасным опытом в нашей жизни.

Научившись вытягивать ручки для поддержания равновесия, Сольвейг быстро овладела мастерством хождения по гостиной. Подстегиваемая страхом падения, девочка начала делать коротенькие, словно стаккато, шажки. Наблюдая за ее первыми попытками, я был немало удивлен, увидев, как малышка на ходу раздвигает пальчики ног, будто пытаясь ухватиться ими за пол. «Ноге ребенка еще не ведомо, что она нога», — писал чилийский поэт Пабло Неруда в самом начале своего стихотворения *To the Foot from Its Child* («Дитя — своей ножке»), ей хочется быть то бабочкой, то яблоком.

ЧАСТЬ I

Вдруг прямо на моих глазах шаги Сольвейг стали увереннее, и малышка через открытую дверь террасы устремилась в сад. Теперь ее босые ножки ощутили нечто гораздо большее, чем пол комнаты: они соприкоснулись с поверхностью земли — с травой, камешками, а затем и с асфальтом.

С каждым новым более твердым шагом все четче проявлялась какая-то очередная черта характера дочки. Создавалось впечатление, что радость исследования окружающего мира и овладение навыком хождения — это главное на свете. Способность передвигаться, ставя одну ногу перед другой, познавая мир и преодолевая препятствия, присуща нам от природы. Но, приходя в этот мир, мы не начинаем путешествие в страну открытий, а, наоборот, постепенно завершаем его.

Моя бабушка (я называл ее *бабулей*) родилась в Лиллехаммере за девяносто три года до рождения Сольвейг; в те времена все ее семейство в основном полагалось на собственные ноги как главное средство перемещения из одного места в другое. Конечно, если бы бабуле захотелось (или пришлось) путешествовать на очень большое расстояние, она могла бы сесть на поезд, но у нее было не много причин

ПРОГУЛКА

покидать родной городок. Даже наоборот, огромный мир пришел к ней сам. За годы юности, проведенной в одном из районов тогдашней губернии Оппланн, она стала свидетельницей массового производства автомобилей, велосипедов и самолетов. Бабуля рассказывала, как однажды ее отец, мой прадедущка, взял ее с собой в поездку к самому большому озеру в Норвегии, Мьёса, чтобы вместе впервые увидеть самолет. Она вспоминала об этом с таким восторгом, что казалось, будто все это произошло вчера. Небеса внезапно перестали быть царством исключительно птиц и ангелов.

* * *